

В машине, направлявшейся в город, Чэнь Ихуань и Хуан Ваньтин ехали с Дядюшкой Хуаном. Когда Чэнь Ихуань болела, Дядюшка Хуан очень о ней заботился, уже успев полюбить её как родную дочь.

Он погладил руль, радуясь, что она сможет подрабатывать репетитором для детей:

— Наша Ихуань и правда большая молодец, теперь вот будет людей учить.

Он посмотрел на Чэнь Ихуань с особой теплотой. Хуан Ваньтин, напротив, была девчонкой бойкой, с детства озорной и доставляла куда больше хлопот, чем мальчишки. А Чэнь Ихуань была мягкой, спокойной, умной и красивой. Взгляд Дядюшки Хуана, обращенный к ней, светился нежностью, какой не доставалось никому другому. Казалось, в деревне её любили все: даже самые грубоватые мужики, привыкшие говорить во весь голос, рядом с ней переходили на тихий, ласковый тон.

Хуан Ваньтин к этому давно привыкла, но всё равно не могла скрыть легкой грусти. Она опустила голову, теребя кисточки на одежде, и понуро опустила плечи.

— Когда я болела, если бы не забота Ваньтин, я бы совсем сгорела от лихорадки. Разве смогла бы я тогда думать о репетиторстве? — Чэнь Ихуань улыбнулась и, поддержав разговор, похвалила Хуан Ваньтин.

Родители хоть и любят иногда привести в пример чужих детей, своих всё равно берегут. Дядюшке Хуану было приятно это слышать.

Атмосфера в машине была легкой. В городке не было музея, и Хуан Ваньтин, которая понятия не имела, как выглядят раскопки, сегодня нарядилась в нежно-желтое приталенное платье. На ногах у неё были туфельки-лодочки и телесные колготки — поговаривали, что в городе девушки одеваются именно так. Утром она долго терзалась перед зеркалом: светлая кожа всегда выглядит нежно в любом цвете, как у Чэнь Ихуань, но сама Ваньтин целыми днями бегала на солнце, и то, что она не почернела до угольной черноты, было уже большой удачей. Если бы Чэнь Ихуань вовремя не остановила её, она бы точно напудрила лицо детской присыпкой. Даже невозмутимая Чэнь Ихуань тогда едва сдержала изумление.

В машине Цзинь Няньчжэнь Лю Цишань листал сборник прошлогодних олимпиадных задач. Вчера Цзинь Няньчжэнь решил две из них всего за пятнадцать минут. Этот результат мог бы обеспечить ему место в сотне лучших по стране, но Лю Цишань не знал, что по уровню успеваемости и скорости вычислений в этом году Цзинь Няньчжэнь занимает третье место в Цзинду и пятьдесят восьмое в стране.

В старшей школе нужно выбирать между гуманитарным и техническим профилем, и Лю Цишань не удержался:

— С твоими способностями не слишком ли обидно выбирать гуманитарные науки?

Машина, ехавшая следом, не отставала. Рядом с Хуаном сидела послушная Чэнь Ихуань, пристегнутая ремнем безопасности. На ней было платье цвета лунного света — подарок от волонтеров, приезжавших в деревню год назад. У Хуан Ваньтин было такое же, но без маленькой вышивки из цветов груши на воротнике оно казалось слишком простым. Чэнь Ихуань нравилась эта ткань — легкая, прохладная, идеальная для лета. И, надо признать, на ней оно смотрелось лучше всего: невинно и мило, а её открытые белоснежные руки почти не отличались по цвету от ткани.

Цзинь Няньчжэнь отвел взгляд и лучезарно улыбнулся:

— Потому что мне это нравится.

Иначе зачем ему было тащиться в такую глушь, куда даже нормальная дорога не ведет?

Выйдя из машины, они увидели цель: в небольшом холме был прорыт проход, из которого выступала кладка старой гробницы, а рядом лежали выкопанные надгробия. Хуан Ваньтин взглянула на свои блестящие кожаные туфли: вокруг была сплошная пыль, поднимавшаяся при малейшем ветре. Да и платье, которое она надела всего пару раз... Всё было совсем не так, как она представляла: исследователи ходили в майках и рабочих халатах, в касках на головах. Вокруг были натянуты тенты, на столах лежали вещи, покрытые слоем земли и источавшие странный запах. Ваньтин едва не расплакалась.

Цзинь Няньчжэнь невозмутимо надел перчатки. Он был полон энтузиазма — впервые видел такие находки. В Цзинду все древние захоронения под землей давно перекопали, и целых гробниц почти не осталось.

Чэнь Ихуань взглянула на надгробие, стоявшее сбоку, Лю Цишань тоже подошел ближе. Лишь Хуан Ваньтин осталась стоять за ограничительной линией, не решаясь сделать шаг вперед. На камне в нескольких строках была описана вся жизнь владельцев: здесь были похоронены муж и жена, жившие, вероятно, в эпоху Китайской Республики. Жена часто болела, и после её смерти муж долгие годы не женился, а перед кончиной завещал похоронить себя рядом с ней. Красивая история.

Кругом была одна грязь. Хуан Ваньтин и представить не могла, что всё это — копанье в чужих могилах — настолько дурное занятие. Она больше не могла здесь оставаться, и Дядюшка Хуан, найдя предлог купить детям прохладительные напитки, увел её.

Цзинь Няньчжэнь сквозь перчатки коснулся бронзового треножника и радостно улыбнулся. Ему было совсем не скучно, он пробормотал:

— Это коллекция времен Республики, предположительно после 1920 года, не похоже на более поздний период.

Сотрудник, делавший записи, поднял голову, удивленный его познаниями:

— Верно, это действительно антиквариат раннего периода. Хотя сама гробница была построена

позже, возраст самих предметов гораздо солиднее. Почва вокруг сложная, мы предполагаем, что их извлекли из более древнего захоронения, они перешли к владельцу, и он снова похоронил их вместе с собой.

Лю Цишань молча слушал, проникаясь к Цзинь Няньчжэню всё большим уважением: оказывается, он действительно глубоко разбирается в археологии. В этот момент он был похож на обычного подростка — восторженного и увлеченного. Обычно же он казался слишком взрослым, с глазами, в глубине которых ничего нельзя было прочесть. Немного похоже на Чэнь Ихуань.

При этой мысли Лю Цишань нахмурился, плотно сжав губы. Цзинь Няньчжэнь изредка упоминал Чэнь Ихуань — не часто, но почему это его так задело?

Цзинь Няньчжэнь получил часть записей, а материалы из библиотеки должны были привезти после обеда. Он обернулся и поманил Чэнь Ихуань. Она помедлила, но подошла. Цзинь Няньчжэнь позволил ей встать рядом и смотреть, мягко улыбаясь.

Чэнь Ихуань тихо наблюдала за его профилем. Когда он был сосредоточен, его лицо казалось более холодным и резким. Он был золотым мальчиком, привыкшим к тому, что его лелеют и балуют. Стоило ему лишь пожелать, как всё оказывалось у него в руках. Зачем ему было быть хитрым, пытаться угадать чужие мысли? Нравится ему что-то или нет — это не имело значения.

В детстве отец бросил её с матерью и уехал в Цзинду с другой женщиной наслаждаться богатством. Когда она повзрослела, мать приковала болезнь к постели. Чэнь Ихуань не знала, что значит, когда рушится небо, но её собственное небо всегда было закрыто плотным, душным потолком. Каждый раз, глядя вверх, она чувствовала невыносимую тяжесть. Чтобы выжить, ей приходилось следить за каждым взглядом и осторожно подбирать слова.

Дядюшка Хуан принес ящик ледяной минеральной воды, а детям — колу и спрайт. Хуан Ваньтин держала в руках эскимо. Чэнь Ихуань взяла колу, заметив, что спина Ваньтин уже наполовину промокла от пота. Она мягко приобняла подругу и сказала Дядюшке Хуану:

— Мы постояли на солнце, и у меня немного закружилась голова. Дядюшка Хуан, можно нам с Ваньтин вернуться?

Она стояла бледная, застенчивая, казавшаяся такой хрупкой, и с надеждой смотрела на него. Дядюшка Хуан решил, что она ещё не оправилась от болезни — на таком солнце и взрослому-то нелегко. Он перекинулся парой слов с Цзинь Няньчжэнем и повел девушек к машине.

Цзинь Няньчжэнь, увлеченный бронзовым треножником и шкатулкой с золотыми замками, резко поднял голову и увидел, как Чэнь Ихуань садится в машину. Её густые черные волосы покачивались на уровне пояса, она даже не обернулась.

Человек, привезший документы, заслонил ему обзор. Чэнь Ихуань через окно увидела, что

Цзинь Няньчжэнь снова склонился над книгами. Она не любила стоять рядом с ним.

Юный господин Цзинь был очень недоволен. Он разозлился.

<http://bllate.org/book/22133/2306013>